

- Barnard 2002 – Barnard A. Observations on the historical development of ecological anthropology and hunter-gatherer studies // Paper to be presented at the national Museum of Ethnology, Osaka, 8 April 2002.
- Feit 2002 – Feit H. Animals as Political Partners: James Bay Cree on Reciprocity, Persons, Power and Resistance. 2002. Paper prepared for the CHAGS9, Edinburgh, September 9–13. Session № 17.
- Jones 1969 – Jones R. Fire-stick farming // Australian Natural History. 16. 1969.
- Povinelli 1993 – Povinelli E. Labor's Lot. The Power, History and Culture of Aboriginal Action. Chicago; London, 1993.
- Rose 1991 – Rose D.B. Hidden Histories: Black Stories from Victoria River Downs, Humbert River and Wave Hill Stations. Canberra, 1991.
- Rose 1992 – Rose D.B. Dingo Makes Us Human: Life and Land in an Aboriginal Australian Culture. Cambridge, 1992.
- Rose 1996 – Rose D.B. Nourishing Terrains. Australian Aboriginal Views of Landscape and Wilderness. Canberra, 1996.
- Rose 2002 – Rose D.B. Sacred site, ancestral clearing, and environmental ethics // Reading in Indigenous Religions. L.; N. Y., 2002.
- Rose 2003 – Rose D.B. Ethics of Attention // Paper prepared for ASAO Annual Meeting, 2003, Session "Fieldwork, Ethnographic Realism, and Reflexivity – The Legacy of Jane C. Goodale".

ЭО, 2006 г., № 6

© В.А. Коренько. Рец. на: Уварова Т.Б. *Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках*. М.: ИНИОН РАН, 2005. 164 с.

Т.Б. Уварова – старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН – посвятила свое исследование истории, этнографии и культуре малочисленной группы автохтонного населения Восточной Сибири – эвенкам юго-восточной части Забайкалья, известным также под названием "нерчинских тунгусов". Отметим, что книга – редкий пример выпуска этим институтом монографии по этнологии.

Монография состоит из "Введения", четырех глав, "Заключения" и списка использованных источников и литературы (обширные примечания содержатся и в основном тексте).

Во "Введении" Т.Б. Уварова подробно характеризует имеющуюся литературу по нерчинским эвенкам. Она невелика и в значительной мере создавалась не специалистами, а теми, кого более уместно назвать наблюдателями, оказавшимися среди забайкальских эвенков в силу разных обстоятельств. Начиная с эпохи российских академических экспедиций в Сибири (Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, И.Г. Георги) составлялись и публиковались разнообразные, преимущественно описательные, заметки и очерки общего положения или каких-либо аспектов "юридического, хозяйственного и культурного быта" "тунгусов вообще и забайкальских в особенности".

Другой особенностью рассматриваемой Т.Б. Уваровой литературы является то, что публикации, посвященные специально нерчинским эвенкам, единичны. Для XVIII–XIX вв. это статьи Г.И. Спасского и В. Паршина, для XX в. – исследования В.А. Туголукова, Н.Н. Степанова, серия лингвистических работ Д.Г. Дамдинова и др. Интерес к забайкальским эвенкам усилился у исследователей Улан-Удэ на рубеже XX–XXI вв., но и их публикации, среди которых имеется несколько весьма ценных, несут неизбежный отпечаток региональных изысканий: авторы в большей степени сосредоточены на изучении эвенкийского населения Западного Забайкалья (современной Республики Бурятия), нежели Восточного (нынешних Читинской обл. и Агинского Бурятского автономного округа).

Владимир Александрович Коренько – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока (Москва); e-mail: korennya-ko@gmail.com

Учитывая эти особенности литературы, представляется вполне логичным, что Т.Б. Уварова еще более подробно характеризует относящиеся к предмету исследования архивные материалы. Она детально проанализировала документы из Российского государственного исторического архива, архива Русского географического общества и Государственного архива Читинской обл. Часть источников была выявлена и использована впервые – это существенное достижение автора.

Наряду с литературными и архивными данными ценным источником исследования стали результаты полевых исследований Т.Б. Уваровой 1976–1979 гг. в нескольких районах Читинской обл. и Агинского Бурятского автономного округа. Материалы полевых исследований использованы главным образом в последней главе монографии.

Во "Введении" также определены методы, цели и задачи исследования.

Т.Б. Уварова прекрасно понимает, что нерчинские эвенки – этнос фактически исчезнувший, ассимилированный. К тому же и состояние источников не дает возможности системного, всестороннего этнографического анализа, который воплотился бы в монографии "классического" типа. Поэтому автор сосредоточивается на реконструкции "основных процессов этносоциального и этнокультурного развития нерчинских эвенков в XVIII–XX вв.". Важнейшими факторами, определявшими эти процессы, Т.Б. Уварова считает "этнодемографическое развитие населения Юго-Восточного Забайкалья", "включение нерчинских эвенков в социально-административную систему Российского государства", "характер изменений двух важнейших сфер жизнедеятельности рассматриваемой группы: производственной (хозяйственная деятельность) и бытовой (семейно-бытовой уклад)". Отсюда и формулировка целей: "Задачи работы состоят в исследовании взаимодействия выделенных факторов, а также их влияния на степень глубины и быстроты преобразований и трансформаций этноисторических объектов, в данном случае региональной этнической общности эвенков. Особый интерес представляет анализ этнического самосознания трансформирующейся группы по данным о языке и представлениям об этнической идентичности" (с. 15).

Первый параграф гл. 1 представляет собой исторический очерк присоединения Восточного Забайкалья к Российскому государству и последующих событий в регионе с середины XVII до конца XIX в. Речь идет главным образом о демографической динамике русского населения, хотя точнее было бы говорить о славянском или восточнославянском населении (автор отмечает значительный миграционный поток из малороссийских губерний). По переписи 1897 г. только сельское население Читинского округа (крестьяне, казаки и не приписанные к местным крестьянским общинам поселенцы) превысило 53 000 человек. В итоге "постоянное увеличение русского аграрного населения Юго-Восточного Забайкалья привело к тому, что к концу XIX в. его сельскохозяйственные угодья вплотную подступили к издавна освоенной нерчинскими эвенками территории Урульгинской степной думы, окружая ее со всех сторон непрерывным кольцом" (с. 29).

Второй параграф гл. 1 посвящен этническому составу, размещению и численности коренного населения – бурят и эвенков (с. 29–40). Автор убедительно реконструирует основные события этнической истории местных тунгусоязычных и монголоязычных групп начиная с эпохи неолита и палеометалла. Более поздние данные (с рубежа XVII–XVIII вв. до начала XX в.), в соответствии с представлениями других исследователей, позволяют автору уверенно говорить о Даурии как об особом сибирском субрегионе, для которого в новое время были характерны очень интенсивные тунгусско-бурятско-русские этнокультурные контакты. На протяжении XVIII–XX вв. интенсивность этих контактов усиливалась и закономерно привела к серьезным историческим результатам, существенно различным для исторических судеб русского, бурятского и эвенкийского населения Даурии.

Вторая глава – "Структура социальной организации" – представляется мне наиболее важной, ценной и интересной. В ней детально исследуется социальная динамика нерчинских тунгусов с конца XVII до начала XX в., устанавливаются радикальные трансформации их общественного устройства, а главное – реконструируется механизм того процесса, который Т.Б. Уварова называет "интегрированием этнических и социальных общностей различного уровня в рамках единой государственности".

Автор последовательно рассматривает историю российского государственно-административного управления восточнозабайкальскими эвенками. История этого управления, как известно, имеет свою неуклонную логику. В XVII – начале XIX в. сибирская администрация была озабочена в основном бесперебойным поступлением ясачных сборов – при "официальном санкцио-

нировании традиционных институтов внутреннего управления коренного населения" и "номинальных попытках включить в эту систему новые элементы" (с. 51). Реформа 1822 г. была уже серьезной унификацией организационных форм управления коренного сибирского населения ("Устав об управлении инородцев Сибири", введение трехступенчатой системы управления "родовые управления – инородные управы – степные думы"). Введение в 1897 г. должностей крестьянских начальников и административная реформа 1902–1904 гг. привели к замене органов "инородческого самоуправления" сельскими волостными правлениями общеперского образца, полностью подконтрольными государственно-административному аппарату.

Параллельно шли впервые подробно описываемые Т.Б. Уваровой процессы: вытеснение "истинных родов" "административными родами" как административно-фискальными единицами и переход от кровно-родственных ("генеалогических") общин к булукам – "образованиям общинного типа", "хозяйственным по своему функциональному назначению, территориальным по форме и соседским по социальному содержанию связей" (с. 68–73). Эти процессы, по приводимым сведениям, начались во второй половине XVIII в. и продолжались до конца XIX – начала XX в.

Уделом "родовых начал" (принадлежности к той или иной традиционной "генеалогической" общности) остались более консервативные сферы жизни социума: семейно-брачные отношения (родовая экзогамия), семейная обрядность и отправление религиозных культов. При этом автору удалось установить, что если праздники-молебны *тайлаганы* "в наибольшей степени сохранили свой родовой характер", то культ святилищ *обо* уже в начале XIX в. "имел не только родовой или межродовой, но и территориальный характер" (с. 62, 63).

Гл. 3 "Особенности хозяйства нерчинских эвенков" с параграфами "Земледелие" и "Скотоводство и охота" освещает экономические аспекты основного процесса интеграции тунгусо-язычных групп в численно доминирующую русскую и бурятскую среду. Прямым следствием распространения земледелия (с конца XVIII в.) был переход к оседлому образу жизни. В конце XIX в. из шести инородческих управ Урульгинской степной думы оседлое население преобладало в четырех (от 66 до 94% общей численности), и лишь "в управах Кужертаевской и Онгоцонской кочевники составляли подавляющее большинство" (с. 88, 89).

В период с конца XVIII до начала XX в. падает хозяйственная роль охоты, причем меняются и ее основные формы: уходят в небытие облавные охоты, охота на крупного зверя со временем приобретает индивидуальный характер, а промысел пушного зверя становится артельным. Обратно пропорционально роли охоты возрастает роль скотоводства. Состав стада (доля лошадей, крупного и мелкого рогатого скота), наличие зимников (заимок) и помещений для зимнего стойлового содержания скота, общинных пастбищ с оградой-поскотинной, распространение сенокошения – все эти элементы животноводческого хозяйства в той или иной мере Т.Б. Уварова фиксирует для всех этнических групп Восточного Забайкалья. Различия здесь связаны в большей степени с кочевым или оседлым укладом жизни и в меньшей степени – с этническими традициями русских, бурят и эвенков (с. 103, 104).

Значительное внимание уделяется "хозяйственно-культурному взаимодействию основных этнических компонентов восточнозабайкальского региона" (с. 143) и прежде всего взаимовлияниям тунгусов и русских. Русское население, оказавшееся перед "необходимостью более совершенного приспособления к новым экологическим условиям обитания", заимствовало у коренного населения многое в разведении скота, организации охотничьего промысла и быта. Нерчинские эвенки в процессе этого взаимодействия постепенно переходили от кочевания к оседлости, что влекло коренную ломку традиционного бытового уклада и сопровождалось радикальными изменениями в облике поселений, жилищ, в одежде и системе питания.

Гл. 4 "Культурно-бытовая специфика и изменение этнического самосознания нерчинских эвенков" включает очерк семейно-бытового уклада и семейных обрядов и анализ изменения этнического самосознания по материалам языка и представлениям населения.

Утрата изучаемой группой эвенкийского языка и эвенкийского этнического самосознания облегчалась давними традициями билингвизма и даже трилингвизма. Эта лингвистическая специфика связана, по мнению Т.Б. Уваровой, с существованием хамниганского межродового союза (союза эвенкийских, бурятских и монгольских родов), формирование которого происходило с первой трети XVII в. по первую треть XVIII в. Представления автора о конце истории хамниганского союза гораздо менее отчетливы. Во всяком случае, Т.Б. Уварова предполагает, что монгольский язык (вероятно, тот диалект монгольского языка, который до сих пор фиксируется на северо-востоке КНР под названием "хамниганского монгольского") доминировал у хамни-

ган Забайкалья до середины XVIII в., а затем ведущая роль перешла к бурятскому и русскому языкам.

По данным конца XIX в. русский язык был разговорным для 69,2% населения Урульгинской степной думы, монгольский – для 15,8, эвенкийский – для 8, бурятский – для 7%. Монгольский язык играл заметную роль в тех двух волостях, большинство населения которых продолжало кочевать. Это полностью совпадает с представлениями о двух различных направлениях ассимиляции нерчинских тунгусов: их оседлая часть русифицировалась, а кочевая – бурятизировалась. Изначальные говоры ононских хамниган ("эвенкийский хамниганский" как речь оседлого населения и "хамниганский монгольский" как реликтовый язык потомков кочевников) окончательно исчезли в 1960-х – 1980-х годах (с. 134).

Параллельно с языковыми процессами происходила утрата этнического самосознания. Уже в начале XX в. этноним "тунгусы" сохранялся лишь за кочевниками Урульгинской степной думы, которые сами себя называли эвенками или хамниганами. Оседлые эвенки, вернее, их обрусевшие потомки, с этого времени при всех опросах называли себя "инородцами", "русскими из инородцев", а то и просто "русскими" (с. 130, 131). У потомков кочевников замена их эндоэтнонимов самоназванием "бурят" запаздывала, но в целом процесс ассимиляции, как считает автор, завершился в 1980-х годах (с. 136, 137).

Книга Т.Б. Уваровой не лишена частных недостатков, но это именно недостатки, а не ошибки. Например, русификация в антропонимике (с. 126, 127) напоминает о роли христианизации, на которую автор не обратила внимания. Для XX в. никак не выяснена роль советской партийно-государственной системы. Была ли позиция ее региональных и местных органов индифферентной или они пытались как-то влиять на процесс ассимиляции нерчинских эвенков? Были ли в посткоммунистическую эпоху попытки реанимации утраченного этнического самосознания, "конструирования этничности"? На эти вопросы в книге нет ответов.

Но гораздо важнее, на мой взгляд, то, что рецензируемая работа обладает бесспорными достоинствами. Напомню, что книга посвящена истории исчезнувшего народа. Былой ареал нерчинских эвенков, располагавшийся на территории современной Читинской обл. и отчасти в пределах Агинского Бурятского автономного округа, "растворился" в ареалах русского и бурятского населения Восточного Забайкалья. По существу Т.Б. Уварова детально и убедительно изучила процесс ассимиляции некогда самобытной этнической группы. Материалы, собранные ею в 1970-х годах и лежащие в основе данного исследования, не устарели. Вышедшие в последние десятилетия публикации, так или иначе касающиеся забайкальских эвенков, не ставят под сомнение основных выводов автора. Книга лишена умозрительных и расплывчатых рассуждений, насыщена добротным фактическим материалом, логично структурированным и являющимся прочной основой исследовательской концепции. Работа Т.Б. Уваровой, к сожалению, выпущенная мизерным тиражом в 200 экз., может быть оценена как существенный вклад в этнологическое сибиреведение.

НА САЙТЕ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (<http://journal.iea.ras.ru/online>) опубликованы следующие материалы:

- Бочаров В.В. О реформе, бюрократии, научной этике
- Дагданова Ж.Н. Бурятское народное декоративно-прикладное искусство (некоторые пути развития в современных условиях)
- Календарь памятных дат в этнографии и антропологии на 2007 г. (сост. – А.М. Решетов)